

ВОЛОГОДСКАЯ ССЫЛКА

ЧЕРЕЗ ВСЮ РОССИЮ

Подробности этого нового путешествия через всю страну, с юга на север, продолжавшегося несколько дней, почти совершенно улетучились из моей памяти. Да это и понятно: Анна Ильинична попросту не отпускала меня от себя ни на шаг, и все мои путевые впечатления ограничились рамкой вагонного окна — одни станции сменялись другими, мелькали степи и села, точно панизанные на бесконечную паутину телеграфных проводов, пляшущих то вниз, то вверх за окном.

Ближние предметы — деревья, строения — торопливо проскакивали куда-то назад и исчезали, в то время как далеко отстоящие — мельницы, рощи, целые деревни — долго провожали нас и гнались за поездом, словно не желая отставать. Стоя на месте неподвижно, с распластанными крыльями, плыли в воздухе полосатые удоды с торчащими хохолками на голове; уставши, они складывали крылья, садились на заостренные верхушки телеграфных столбов и мгновенно отставали от поезда.

Каждый новый город представлял перед нами своим шумным и суетливым, всегда скучно-серым вокзалом. Казалось, что они отличаются друг от друга только звонком станционных колоколов, которые торжественно возвещали о нашем отправлении. Узнавая от Анны Ильиничны названия городов и крупных станций, я тут же отыскивал их на карте и разочарованно тянул: «О-ой, как нам еще высоко ехать!» Именно — высоко, потому что в соответствии с железнодорожной картой мы ехали по ней снизу вверх.

Смутно промелькнули беспорядочные окраины Москвы, которую наш поезд объехал где-то задворками; долгим и гулким железным грохотом приветствовал нас у Ярославля мост через Волгу. И вот, наконец, все осталось позади. Слегка пошатываясь от многодневной качки, стою на вологодском перроне, озираясь вокруг и ища глазами Марию Ильиничну. Да вот она! Почти бегом спешит к вагону, машет рукой и смеется от радости. Кто-то еще, видимо ее друзья, тоже пришли встречать долгожданных далеких путешественников.

Соскучившись вдаль от родных, оторванная от них в течение шести месяцев, Мария Ильинична встретила мать и старшую сестру крепкими объятиями и сотнями поцелуев.

Как всегда в подобных случаях, посыпались с обеих сторон отрывистые вопросы и торопливо-сбивчивые ответы.

Разместившись на двух извозчиках, окруженные и обложенные чемоданами, картонками, сумками, саквояжами, покатали мы по незнакомым улицам с деревянными тротуарами по сторонам.

Установить приблизительную дату нашего прибытия в Вологду помогло мое письмо к родителям. Это феоодийская открытка, имеющая вологодский штамп 31 мая 1913 года. Я писал родителям:

«Здравствуйте, папа и мама! Как вы живете? Я приехал в Вологду и живу тут. Напишите мне письмо. Адрес — Екатерининско-Дворянская, д. Знаменского № 40. Я здоров. До свидания. Целую вас. Гора».

Разумеется, открытка была написана по инициативе Анны Ильиничны.

Мария Ильинична жила в центральной части города, на верхнем этаже двухэтажного флигеля, стоящего в глубине двора.

В непосредственной близости от дома раскинулась большая, продолговатая по форме площадь, сплошь вымощенная булыжником, — это и был центр города. По одну сторону площади возвышалось самое крупное в городе здание — трехэтажная гостиница «Якорь», выстроенная из красного кирпича. Напротив нее расположились в ряд три церкви разной высоты. Самая маленькая и самая старинная по высоте едва превосходила двухэтажный дом.

Все три колокольни были увешаны множеством больших и малых колоколов и управлялись довольно искусными звонарями. По воскресным и праздничным дням, соревнуясь между собой, они наполняли весь город мелодичным и музыкально-осмысленным перезвоном колоколов. Должен признаться, что ни раньше, ни позднее нигде мне не приходилось слышать подобной колокольной музыки.

ССЫЛКА И ЕЕ СЮРПРИЗЫ

Группа политических ссыльных, в том числе социал-демократов (большевиков), среди которых оказалось несколько саратовцев, сидевших в тюрьме и сосланных одновременно с Марией Ильиничной, была многочисленной. Они поддерживали между собой тесные товарищеские отношения, постоянно общались друг с другом. Похоже, что в квартирке Марии Ильиничны образовалось нечто вроде «центра» колонии вологодских ссыльных. Чуть ли не ежедневно по вечерам собиралось у нее человек 5—6, больше мужчин, часами вели оживленные беседы и дискуссии, содержание которых тогда не интересовало меня.

Из гостей, посещавших Марию Ильиничну, я запомнил лишь тех немногих, с которыми мне пришлось так или иначе встречаться в последующие годы — в Петрограде или Москве. Среди них были Вацлав Вацлавович Воровский, художавый, в пенсне, с беспорядочной шевелюрой и бородкой; Исидор Евстигнеевич Любимов, живший в Вологде вместе с женой и сынишкой Игорем; Петр Антонович Залуцкий, красивый шатен (Мария Ильинична звала его чаще Петрушей); Владимир Павлович Милютин. Разве мог я представить тогда, что всего через несколько лет один из них станет известным в мире дипломатом, другой — крупным партийным работником, а двое — советскими министрами — народными комиссарами!

Помимо политических бесед и дискуссий нередко устраивались и импровизированные вечера самодеятельности. Мария Ильинична, как хорошая музыкантша, выступала с фортепьянными произведениями Шопена, Шуберта или аккомпанировала Милютину, приходившему к нам со своей скрипкой. Уступая дружной прось-

бе гостей, садилась порой за пианино (оно уже было перевезено из Саратова) и Мария Александровна. Она играла чаще вместе с дочерью, в четыре руки, произведения Мендельсона, Грига, Вагнера. Бывало, что и я, под руководством Марии Ильиничны, развлекал гостей пением детских и несложных народных песенок из «Гуселек».

Любили петь и хором, под музыку или даже без нее. Пели негромко, но с большим чувством и воодушевлением любимые студенческие, революционные, ссыльнокаторжные песни: «Сбейте оковы», «Слушай», «Не слышно шума городского», «Вихри враждебные», исполняя их то в печально-протяжном, то в возбужденно-приподнятом тоне. Невольно загорались их глаза и оза-рялись внутренним светом их лица, когда, как клятва, звучали слова «Варшавянки»:

Но мы подыдем гордо и смело
Знамя борьбы за рабочее дело.
Знамя великой борьбы всех народов
За лучший мир, за святую свободу...

Так же, как и Мария Ильинична, большинство ссыльных жили в Вологде под неусыпным полицейским надзором. Само собой разумеется, что пение революционных песен, запрещенных царским законом, хотя бы и вполголоса, было дерзким вызовом. Без сомнения, полиция была хорошо осведомлена о постоянных «сборищах» на квартире ссыльной Марии Ульяновой.

Когда мы приехали в Вологду, Мария Ильинична уступила нам, как гостям, свою спальню, переселившись на диван в гостиной. Анна Ильинична спала на кровати, мне же стелила на высоком хозяйском сундуке.

Однажды я был разбужен посреди ночи необычно громким топотом, незнакомыми грубыми голосами и светом близко поднесенной свечи (электричества тогда в Вологде еще и в помине не было). Открыв глаза, я увидел наклонившуюся надо мной усатую физиономию в полицейской форме. Я не успел ни испугаться, ни осознать вполне, во сне это я вижу или наяву, как физиономия отодвинулась и исчезла, а вместо нее возникла фигура Анны Ильиничны, одетой наспех. Успокоительно что-то шепча, она взяла меня на руки и перенесла на

свою постель. В какой-то короткий миг я успел запечатлеть две-три фигуры в полицейских шинелях и снова погрузился в безмятежный сон.

Так произошло первое знакомство со скрытой до этого для меня стороной жизни семьи Ульяновых. Первое, но далеко не последнее... Впоследствии я настолько привык к подобным визитам, что они перестали меня удивлять.

Естественно, что я пытался на первых порах получить объяснение странным ночным происшествиям. Анна Ильинична приучала меня не прислушиваться к разговорам старших и не совать свой нос куда не следует; в данном случае в ответ на мои расспросы она реагировала коротко: «Молчи и не расспрашивай». Сказано это было в достаточно категоричной форме. Я понял раз и навсегда, что своим любопытством вторгаюсь в область чего-то запретного.

Но мои уши и глаза были открыты, так что все, что мне приходилось слышать и наблюдать, подсознательно входило в мое существо; я смутно осознавал неизбежность, закономерность таких явлений, как вторжение полиции и обыски у нас по ночам, а позднее — арест и тюрьма при непременно участии той же полиции. Именно — осознавал, потому что, внешне спокойно воспринимая эти явления, я в то же время начинал ощущать глухую враждебность к этим вторжениям в нашу жизнь, в наш семейный мир. Независимо ни от чего, я безгранично верил в абсолютную правоту, честность моей приемной матери, противостоящей некоей враждебной силе, облаченной в полицейские мундиры.

НОЧНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Ночные обыски не могли не отразиться на мне: резко повысилась нервозность, сон стал беспокойным, а сновидения — жуткими и повторялись нередко по два-три раза, запомнившись на всю жизнь. По ночам я часто вскрикивал и просыпался, будя встревоженную Анну Ильиничну.

Случались иногда довольно комичные приключения. Однажды во время утреннего чая Анна Ильинична рассказала, что я минувшей ночью вдруг закричал во сне

не своим голосом: «Держи, держи его!» — и сам, метнувшись, полетел с высокого сундука, на котором спал. Одновременно из гостиной послышался крик Марии Ильиничны, которой, должно быть, тоже что-то привиделось. Анна Ильинична говорила, едва удерживаясь от смеха:

— Я вскакиваю от Горкиного крика и тут же слышу в темноте грохот, догадываюсь: это он, значит, с сундука полетел. И молчит, не шевелится; что такое, думаю? Зажигаю свечку и — к нему. А он — подумать только — спит на полу мертвым сном, и хоть бы что! А там Манечка что-то кричит со своего дивана. Я прямо перепугалась. Ну и ночка!

— Я тоже проснулась, — добавляет Мария Александровна, — слышу сначала грохот, потом крик Маруси. Я так и подумала, что опять полиция в дверь ломится или еще что-нибудь стряслось!

Все мы, и в первую очередь главные виновники ночного переполоха, весело хохочем, потешаясь друг над другом. Мария Ильинична тоже, оказывается, не проснулась. Но особенно насмешил всех мой полет с сундука. Анна Ильинична долго не могла успокоиться и все повторяла:

— Нет, главное, кричит: «Держи его!» — а сам грох с сундука и спит себе, будто его не касается!

Мария Ильинична тоже никак не могла уняться: хочется, качаясь на стуле взад и вперед, того и гляди — свалится, что-то пытается выговорить, но никак не может и опять закатывается до слез. За эту жизнерадостность и веселый характер я полюбил Марию Ильиничну еще в Саратове. Анна Ильинична — та держалась по отношению ко мне чуточку посуровее, построже и в то же время прекрасно подметила, насколько я податлив на ласку.

«По-мосму, ласка на него больше действует, да и на всех, наверно, так», — писала она Марку Тимофеевичу 6 июля 1913 года.

Анна Ильинична была права: лаской легче завоевать детское сердце. Мария Ильинична любила побаловать меня, несмотря на благодушную воркотню старшей сестры, охотно занималась со мной, играла по моей просьбе на пианино, совала мне в рот лакомства, чем до известной степени «подрывала» влияние на меня Анны Ильиничны, которая шутя жаловалась в письме мужу:

«Горка теперь все целуется с Маней и заявил нынче, что меня любит меньше, чем ее. Это по поводу твоего письма, где ты поручаешь поцеловать меня... Я, положим, поцелую сама не поощряю, а Маня все чмокает его...»

Прошло не более двух месяцев, как я покинул родной Саратов, родителей. Естественно, что в такой короткий срок Анна Ильинична не успела воспитать во мне дисциплину, подчинить полностью себе. Говоря по правде, я оказался-таки нелегким испытанием для своей приемной матери.

Анна Ильинична в это время заметно нервничала. Свидания с мужем были редкими. А Вологда являлась неподходящим местом для активной деятельности, как партийной, так и литературной. Тут еще я... Она писала Марку Тимофеевичу в письме от 26 июня:

«Вологда кажется очень пустынной, и я махнула бы в Питер, пожалуй, если бы не Горка, с одной стороны, и не жаль оставить наших, с другой. С Горкой-то, я думаю, устроилась бы... Не мешает также посмотреть, насколько будет меня стеснять Горушка, когда буду одна с ним. Здесь его балуют...»

В общем, Анне Ильиничне не по душе пришлось сестра и довольно неприглядная Вологда.

Мария Александровна, наоборот, обрела душевный покой, как только добралась до Вологды, с удовлетворением отзывалась о Вологде и о своем житье-бытье в письме к Марку Тимофеевичу от 17 июня 1913 года.

«Вологда понравилась мне больше, чем я того ожидала. Здесь масса зелени, что мне очень нравится, и пыли не так много, как бывало в Саратове и Феодосии. Недалеко от нас поле, луга с полевыми цветами, а дальше рожь, где мы собираем васильки. Гора чувствует себя очень хорошо там, порхает, как бабочка, и возвращается домой с огромными букетами».

Через Вологду протекает река — тоже Вологда, приток Сухоны. Она судоходна, так что в полую воду в город прибывали и большие пассажирские пароходы. В теплые летние дни мы всей семьей ходили в купальню, в том числе и Мария Александровна. Родившись на берегу Волги, я не знал других рек и поэтому путал по созвучию названий Вологду с Волгой, полагая с детской наивностью, что все реки должны называться обязатель-

но Волгами. Ну как же, рассуждал я, в Саратове была Волга, возле Ярославля мы по мосту переезжали опять же через Волгу, значит, и здесь — Волга, раз по ней пароходы ходят, только по-здешнему неправильно выговаривают «Вологда» вместо «Волга».

В Вологде в это время стояли изумительные северные белые ночи. Они нарушали установленный для меня режим сна и бодрствования. Как ни объясняла мне Анна Ильинична астрономические законы смены времен года, почему в северных краях летом ночь гораздо светлее и короче, чем в родном Саратове, я стоял на одном — спать полагается в темноте, так почему же меня отправляют в постель и заставляют спать засветло, то есть днем? С временем, которое показывали беспристрастные часы, я не хотел считаться.

Анна Ильинична видела, что постоянное пребывание в обществе взрослых не могло принести мне большой пользы. Поэтому она устроила меня временно на детскую площадку неподалеку, где я, маленькая Ниночка Воровская и Игорь Любимов проводили время среди детей. Подружившись с ними, я в равной мере охотно играл в куклы с Ниной и катался на велосипеде с Игорем, у которого был так же свой трехколесный велосипед, как и у меня.

КАТАСТРОФА В ВОЗДУХЕ

В середине лета 1913 года вологодскую однообразную провинциальную жизнь всколыхнуло интересное событие. На улицах и площадях города появились афиши, оповещавшие горожан о том, что такого-то числа на местном ипподроме состоится захватывающее публичное зрелище — полет в воздухе знаменитого авиатора на аэроплане.

В то далекое время, когда автомобили в России едва только появлялись, а в Вологде, кстати, ни одного еще не было, воздушные летательные аппараты, или аэропланы, как их принято было называть, были и давно новинкой. Поэтому в назначенный день и час на ипподроме собрались сотни жителей, жаждущих посмотреть невиданное зрелище. Большее число зрителей, правда, осталось за высоким забором, окружавшим обширное

поле, так как билеты для входа на ипподром были многим не по карману.

Пришли на полеты и мы. Посредине травяного поля ипподрома стояла странная машина на колесах, весьма отдаленно напоминавшая нынешние самолеты У-2: биплан с квадратными крыльями, длинным решетчатым фюзеляжем и двухэтажным рулевым оперением; вместо кабины пилота было устроено открытое сиденье вроде кресла. И все это сооружение из полотна и планок было сплошь опутано перекрещивающимися проволочными тросами-стяжками.

Авиатор, одетый в кожаный костюм и такой же шлем с очками, забрался на свое сиденье и взялся за рычаги; его помощник несколько раз сильно крутанул пропеллер и отскочил в сторону. Мотор затрещал, вращая винт, и аппарат, неуклюже покачиваясь, побежал по траве, набирая скорость. Прыгнув раз, два, он отделился от земли и поднялся в воздух...

Пролетев метров сто за пределы ипподрома, аэроплан медленно развернулся и на высоте каких-нибудь двадцати метров продолжал полет в обратном направлении, чтобы собравшиеся внизу могли видеть его во всей красе. И тут что-то случилось не то с мотором, не то с механизмом управления. Долетев как раз до середины поля, аппарат задрал нос, затем круто качнулся набок и... рухнул на землю, превратившись в груды обломков.

Раздались испуганные крики. Десятки зрителей вместе с распорядителями зрелища бросились к месту катастрофы и быстро извлекли злополучного авиатора. Он, к счастью, оказался жив и почти невредим, поскольку скорость и высота полета были очень незначительными, и отделался лишь сильными ушибами.

Разочарованные зрители не торопясь расходились по домам, обсуждая достоинства и будущность авиации всяк по-своему...

А несколько дней спустя после этого происшествия произошло нечто подобное со мной.

Неподалеку от дома, где мы жили, прямо на улице расположился торговый склад сельскохозяйственных машин — жнейки, веялки и прочее. Напротив, на углу, помещалась частная типография Виленчика. Мы дружили с сынишкой типографа Яшей Виленчиком и с присутствующим мальчишеским любопытством занимались исследова-

нием устройства стоявших без всякого надзора машин, то есть лазили по ним, щупали и крутили все, что можно было крутить. Знакомство с конструкцией веялки, основанной как раз на вращении, оказалось для меня роковым.

Мы с Яшей с бесспорностью установили, что при помощи рукоятки вращается шестерня, которая, цепляя своими зубьями передаточную шестерню, приводит в движение лопасти вентилятора, скрытого в жерле веялки. При этом получался приятный и сильный ветер. Это нам и понравилось. И вот один из нас крутил изо всех сил рукоятку, а другой, подставив разгоряченное лицо, наслаждался прохладным ветерком, вырывавшимся из жерла веялки. Затем мы менялись местами.

Сменив Яшу, я не сумел поймать рукоятку, продолжавшую крутиться вхолостую, и моя рука попала на зубья шестерен. Мгновение, громкий вскрик — и мизинец правой руки был раздроблен.

Молча, стиснув зубы, я побрел домой, держа перед собой окровавленную руку. Анна Ильинична внушила мне с некоторых пор, что надо все переносить и держать себя «как мужчина», а до этого я был порядочным плаксои. Впрочем, мужества на этот раз у меня хватило только до порога дома — в квартиру я вошел уже с громким хныканьем. Анна Ильинична была в спальне; ей показалось, что я смеюсь, и она выбежала в гостиную, чтобы остановить меня:

— Тише, тише, мамочку разбудишь! — Но тут же осеклась и сразу поняла, что со мной произошло несчастье. Она бросилась ко мне, стала промывать и перевязывать руку. Немедленно отвезла меня на извозчике в больницу, где извлекли несколько осколков кости. Долго ходил я с забинтованной, на перевязи рукой, привлекая внимание и вызывая сочувствие своих сверстников.

Так печально закончилось для меня «освоение» сельскохозяйственной техники.

«ПРАВДА» ОСТАЕТСЯ «ПРАВДОЙ»

Мария Ильинична принадлежала к числу тех революционеров, которые ни при каких условиях и трудностях не прекращали подпольной работы, хотя в ее положении это было рискованным делом.

Мария Ильинична не только объединила вокруг себя товарищей по ссылке, но и фактически руководила группой вологодских большевиков, поддерживая связи с центром и переписываясь с находящимся за границей В. И. Лениным.

«Очень уж трудно в нашем (и твоём и моём особенно) положении вести переписку, как хочется»¹, — писал из-за границы в Вологду Владимир Ильич в апреле 1914 года.

Нужны были и средства к существованию. Мария Ильинична не могла себе позволить жить на иждивении матери, хотя Мария Александровна настойчиво предлагала дочери часть своей вдовой пенсии.

Какую-либо постоянную работу не так легко было подыскать. Испросив «милостивое соизволение» вологодского губернатора, ссыльная Мария Ильинична Ульянова получила право на частные уроки французского языка, что давало ей некоторое подспорье. Жить приходилось весьма скромно; впрочем, это всегда было присуще каждому члену семьи Ульяновых.

Однако приветливая, жизнерадостная улыбка не сходила с лица любимицы Марии Александровны — её Маруси.

С чисто женской теплотой вспоминает о Марии Ильиничне встречавшаяся с ней в годы вологодской ссылки А. В. Чучина:

«Такое у неё было приятное и доброе лицо, так просто она всегда разговаривала с нами, никогда ни в чём не выделяя себя. Одета она была почти бедно. Чёрная короткая жакеточка, такого же цвета длинная, уже лоснящаяся юбка, простые башмаки на пуговках и низких каблуках, изрядно поношенные калоши...»

Мне остаётся только подтвердить: «гардероб» сестры Владимира Ильича, действительно, был более чем скромным. Все её имущество умещалось в небольшом сундуке с горбатой крышкой, на котором не смогли бы усесться два человека.

Живя в Вологде, Мария Ильинична аккуратно получала из Петербурга большевистскую газету «Правда», а также шведскую газету «Политикен» и немецкую «Нейе цейт». Кроме того, ради меня выписывали какой-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 55, стр. 354.

то журнал для семейного чтения с приложением «Для наших детей».

Большевистская печать подвергалась непрерывному преследованию царским правительством. За свои смелые обличительные статьи «Правда» то и дело запрещалась, подвергалась штрафам, выпущенные из типографии газеты конфисковывались и уничтожались. Тем не менее революционное слово не умолкало: только что объявленная закрытой, «Правда» на другой же день выходила в свет под каким-нибудь новым названием: «Рабочая правда», «Северная правда», «Правда труда», «За правду» и другими. При этом слово «Правда» неизменно печаталось в заголовке крупным шрифтом, а второе слово — мелким, так что создавалось впечатление, будто название газеты не менялось.

По утрам я бежал навстречу почтальону, чтобы первым посмотреть, под каким названием сегодня пришла «Правда». Мария Ильинична, разворачивая родную газету, вышедшую под новым названием, торжествующе заявляла:

— А «Правда» все равно остается «Правдой»!

В начале августа в одном из полученных номеров «Правды» было напечатано сообщение о смерти выдающегося немецкого социал-демократа Августа Бебеля. Мне навсегда запомнилось, какое впечатление произвело это сообщение на Марию Ильиничну. Взяв в руки газету, она с каким-то испугом или изумлением произнесла: «Бебель умер!» — и на глазах у нее показались слезы.

Из-за границы время от времени приходили письма и открытки от Владимира Ильича и Надежды Константиновны. Жили они в то время в Галиции, прикарпатской горной местности, в местечке Поронине, куда переехали из Кракова в связи с болезнью Надежды Константиновны. «Место здесь чудесное, — писал Владимир Ильич в одном из писем в мае 1913 года. — Воздух превосходный, — высота около 700 метров...

Надеюсь все же, что при спокойствии и горном воздухе Надя поправится. Жизнь мы здесь повели деревенскую — рано вставать и чуть не с петухами ложиться...»

Письма Надежды Константиновны были, как всегда, наполнены присущим ей юмором и при чтении вызывали улыбки родных забавными словечками и оборотами.

«Следуя совету доктора, ем за троих... Ходит дивчина, стряпать не может, но всю черную работу делает... Сегодня утром гуляли с Володей часа два, а теперь он один ушел куда-то в неопределенную часть пространства. Тут очень красиво. Хорошо также, что нельзя очень гонять на велосипеде, а то Володя очень злоупотреблял этим спортом и плохо отдыхал, лучше больше гулять».

Я в то время заразился страстью коллекционировать почтовые марки и с увлечением сдирал с конвертов или даже безжалостно вырезал ножницами с открыток австрийские марки с бульдожьей физиономией императора Франца-Иосифа, не особенно заботясь о сохранности текста писем. Впрочем, мне в этом и не препятствовали.

ВСТРЕЧА НА КАМЕ

Марк Тимофеевич, по-прежнему отдаленный от нас многими сотнями верст, продолжал инспекционные разъезды по сибирским и уральским железным дорогам, часто присылая нам вести о себе. Не находя другого способа соединиться с нами, он серьезно строил планы нашего переселения в Омск или Уфу. Но Анна Ильинична с недоверием относилась к подобным планам, уверенная в том, что характер службы все равно не позволит мужу сидеть на одном месте и мы по-прежнему будем находиться врозь.

«Стала подумывать, не махнуть ли и вправду в Омск, — писала Анна Ильинична 7 июня 1913 года, — по ведь только приедешь в Омск, а ты улетел оттуда, — и кто знает на сколько».

Анна Ильинична стремилась скорее снова включиться в активную работу, и предложения мужа ее не особенно устраивали. Вначале она почти уступила его уговорам и договорилась о встрече в Уфе, но через месяц отказалась от этой мысли:

«...спешу известить тебя, что не поеду я в Уфу... Одна причина: усиленно зовут в Питер, не мешкая, и мне хочется туда».

28 июля Анна Ильинична предложила Марку Тимофеевичу свой план:

«Оставь Дальний Восток до зимы или до весны, а то измотаешься к осени. Приезжай в этот район. В Пермь я выеду, пожалуй, по железной дороге. Ты уже не веришь мне?.. Раз уж отложила выезд в Питер, могла бы приехать на пару дней. Повидаться-то очень не мешало бы».

И вскоре же состоялась наша поездка в Пермь, где мы встретились с Марком Тимофеевичем после почти полугодовой разлуки. Устроился в номере гостиницы, у самого берега Камы. Довольный долгожданной встречей с нами, Марк Тимофеевич на радостях задаривал меня игрушками и лакомствами.

Не знаю, что мне взбрело в голову, но случилось так, что однажды Анна Ильинична застала меня в номере с завернутой в платок коробкой из-под шоколада «Гала-Петер», которую я укачивал на руках, словно это была кукла, и что-то мурлыкал при этом себе под нос.

— Ба, Горюшка, что это? Может, тебе куклу купить? — удивленно спросила она-меня, не удержавшись от улыбки.

— Купите! — невозмутимо ответил я, не замечая иронии в ее вопросе.

За обедом Анна Ильинична рассказала об этом мужу. Он сначала от души посмеялся, а потом решил: ну и что же, пусть забавляется, коли нравится. И в тот же день купил мне куклу. Это оказался прелестный улыбающийся гуттаперчевый голыш с пухлыми ручками и ножками, прикрепленными к туловищу скрытыми внутри резинками. В честь «новорожденного» мы все трое отправились на Каму, в купальню, где и совершили шуточный обряд крещения голыша, которого я объявил мальчиком и дал ему имя — Валька.

Вернувшись в гостиницу, посадили Вальку на столик и принялись пить чай. Через некоторое время Анна Ильинична обнаружила под «новорожденным» расплывшееся мокрое пятно. Объяснялось это тем, что во время купания вода проникла через отверстия внутри куклы. Мы дружно хохотали все трое, когда Анна Ильинична серьезным тоном провозгласила, что наш общий крестник ведет себя вполне исправно, как и полагается младенцу.

Марк Тимофеевич предложил нам прокатиться на пароходе по Каме (ему нужно было по службе), и мы

совершили приятную прогулку вверх по реке до Усолья и вниз до города Осы, после чего возвратились в Пермь. Марку Тимофеевичу был разрешен небольшой отпуск, который он использовал, чтобы проводить нас в Вологду и побыть некоторое время вместе.

Близились осень... Марк Тимофеевич, распрощавшись с нами, снова отправился в свои бесконечные разъезды по Сибири. Анна Ильинична принялась готовиться к отъезду со мной в Петербург, где ее ждала работа в редакции «Правды», партийные дела.

Снова — вокзал, прощальные поцелуи, напутствия и пожелания остающихся в Вологде родных. Удары гулко-го станционного колокола, свисток обер-кондуктора, паровозный гудок, возвещающий отправление, и вот мы в вагоне поезда, уносящего нас в неведомый мне Питер, столицу России...